

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1987

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

қилинган спиртли ичимликларнинг миқдорига қараб баҳоланди. Ачинарли томони шундаки, катталар билан бир даврада ўтирган ёшлар ҳам алкогольли ичимликларни истеъмол қила бошладилар. Тўйлар, йиғинлар ичкиликбозликнинг ўзига хос кўрувига айланиб қолган эди.

Спиртли ичимликларни истеъмол қилиш меҳмон кутишининг, туғилган кун, турли байрамни нишонлашнинг зарур шартига айланиб қолди. Меҳмонни тўйгунча ароқ билан сийлаш унга юқори даражада ҳурмат кўрсатишнинг ифодаси сифатида тушунилди. Ичкилик, хурсандчилик қилишнинг асосий воситасига айланиб қолган эди-ки, бунга республикамизнинг йўлган шаҳари қишлоғидан мисол топиш мумкин эди. Шу муносабат билан ҳозирги кунда ҳам республикамизда ичкиликбозлик ва алкогольизмга қарши кураш сусти олиб борилаётганлигини афсус билан тан олишга тўғри келади. Курашга ҳақиқий оммавийлик тусини бериши лозим бўлган, уни мувофиқлаштирган ҳолда, кенг миқёсда олиб борилишига кўмаклашувчи ҳушёрлик учун кураш кўнгилли жамият бошланғич ташкилотлари кўпгина аҳоли турар жойларида ҳали тузилгани йўқ. 1986 йил 1 январга қадар республикамизда мавжуд бўлган 15825 маҳалла, уй квартал комитетларидан фақат 808 тасида (5,1%) гина жамиятнинг бошланғич ташкилотлари тузилганлигини нима билан изоҳлаш мумкин?!

Энг ачинарлиси шундаки, ишлаб чиқаришдан деярли суриб чиқарилган, жамоат жойларида сезиларли даражада камайиб қолган ичкиликбозлик ҳозирги кунда оилага ўтди. Ичкиликбозлик асосан турмуш соҳасига, оилалар, ётоқхоналарга кўчганини ҳисобга олиб, маданиятсизликка ва турмушдаги ҳамда меҳмондўстлик формасидаги ҳар хил ортқичаликларга қарши курашда мурасасиз бўлиш керак. Бунда социализмнинг маънавий қадриятларига, жамоатчилик кучига таяниш, одамларга ғоявий таъсир ўтказишнинг барча формаларидан, соғлом турмуш тарзига — коллектив кафолати ҳаракатидан фойдаланиш мақсадга мувофиқ бўлади.

КПСС Марказий Комитети партия комитетлари, бошланғич партия ташкилотлари олдида ҳушёрлик учун кураш Бутуниттифоқ кўпгина ташкилотлари ишнини йўлга қўйишга бутун чоралар билан кўмаклашиш, уларнинг фаолиятида соғлом турмуш тарзини қарор топтириш, алкогольизмга қарши ишонтирарли, далил-исботли пропагандадан авж олдиришни муҳим вазифа қилиб қўйди.

Ичкиликбозлик ва алкогольизмни бартараф этиш зўр сиёсий аҳамиятга молик вазифа, қайта қуришнинг, жамиятимиз маънавий муҳитини социалистик тузумга ёт барча иллатлардан пок қилиш ишнинг таркибий қисмидир.

Н. Д. Одилов

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ «ҚУҚАНД» И «ХУЖАНД»

Топонимика Средней Азии, как и любого другого региона страны, носит определенный отпечаток истории, ибо в течение многих веков территория ее была ареной сложных исторических событий, оставивших заметный след и в топонимике края. Неоднократные переселения разноразличных народов и племен обусловили многослойность географических названий, возникших в этом регионе в разные периоды истории. Выделение из них наиболее древних пластов и изучение их дают много ценного для истории, этнографии и географии края. Историко-лингвистическими и историко-географическими методами можно установить историю возникновения и формирования географических названий, их структуру, лексику, этимологию.

Один из древних пластов топонимики Средней Азии составляют названия городов с топонимическими суффиксами «кат», «кад», «кент», «канд», «жанд» (Паркат, Пскад, Заркат, Ташкент, Панджикент, Бешкент, Самарканд, Қўқанд, Вабканд, Пайканд, Хўжанд и др.). Нет сомнений в том, что наиболее древние из этих топонимов — «кат» и «кад». В письменных источниках IX—X вв. мы находим большое количество названий городов и селений, сложенных с суффиксами «кат» и «кад». Такие названия, как отмечал В. В. Бартольд, не встречающиеся в южных районах Средней Азии, в частности в бассейне р. Мургаб, были характерны главным образом для долины Зарафшана и бассейна Сырдарьи, особенно района Ангрене и Чирчика, т. е. для Ташкентского оазиса¹.

Арабский географ Истахри дает для области Илака, т. е. древнесельскохозяйственной зоны Ангрене, 14 названий городов и селений, из них 7 — с топонимическим суффиксом «кат»; для области Чача, т. е. долины р. Чирчик, — 27 названий, из них 14 — с суффиксом «кат»².

Топонимы «кат», «ката», как и родственные им «кент», восходящие к согдийскому «кат» («када», «кеде»), с древнейших времен входят в огромное количество топонимов современного Узбекистана и Северо-Западного Таджикистана, в районах бывшего распространения согдийского языка, впоследствии вымершего.

Следует отметить, что двухкомпонентные топонимы «Қўқанд», как и «Хўжанд», относятся к той группе древнего пласта географических названий, начальная форма

¹ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. С. 210.

² Истахри. *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri*//BGA. V. I./Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. 1870. P. 328—332.

которых сильно изменилась на протяжении многих веков, и потому они трудно подвергаются как лингвистическому, так и этимологическому исследованию; их этимология всегда вызывала дискуссию.

В обоих топонимах словообразовательными аффиксами служат компоненты «қў» и «хў», а субстратами — «қанд» и «жанд». По мнению таджикского ученого Р. Х. Додихудоева, специально изучившего астионим «Хужанд» в связи с 2500-летием г. Ходжента (Ленинабада), наибольшие трудности вызывают установление и толкование первого компонента³.

В письменных источниках X в. «Қўқанд» — один из древних левобережных городов Ферганской долины — встречается в форме «Хўқанд», «Хўқанд», «Хувақанд» и «Хувоқанд»⁴. Бабур называл его — «Хукон»⁵. Другой древний город на левобережье Сырдарьи описывается в форме «Хужанд» и «Хужанда». Если учесть законы чередования отдельных букв как в первом, так и во втором компоненте, то оба компонента этих двух географических названий восходят к единой исходной форме, состоявшей из словообразовательного аффикса «ху» («хва») и субстрата «канд» («канда»).

По мнению Л. Г. Герценберга, исследовавшего морфологическую структуру слов в древних индоиранских языках, слово «Хвап» — «Хваг» — «солнце» выступает как топоформант; возможно, этот же элемент — первая часть в слове «Ходжент». Далее он рассматривает вероятные пути развития трех древнеиранских композитов в современном «Хужанд»: 1) Xvang yā kanva — «солнце-город»; 2) Xva—kanda > Xvaganda; 3) Xvarjand//Xurjand, Xvanjand//Xunjand⁶. Из этих трех композитов Р. Х. Додихудоев считает второй наиболее правомерным, на основе чего связывает топоформант «Хучанд» с древнеиранским сложным словом xva+kanta, где первый компонент имеет значение «солнце», «солнечный», а второй связан с корнем «kan» («копать», «насыпать»), что впоследствии дало Xvagand и, в свою очередь, перешло в Xujand⁷.

На наш взгляд, топоним «Хужанд», как и «Қўқанд», связан не с древнеиранским сложным словом «Xvakanta», а с согдийским «хи» + «kanta», где первый компонент восходит к согдийскому субстрату «ху». Он встречается и в форме «хуш», «хаш», означающей «хороший», «приятный», «красивый», «нежный». В средневековых письменных источниках в реестре географических названий Зарафшанской долины перечисляется ряд населенных пунктов с аффиксами «ху» и «хуш»: Хумитан, Хушмитан, Ардахушмитан, Рахушмитан, Хушминджакат, Хушуфагн, Хушурта и др.⁸

В современных узбекском и таджикском языках этот согдийский субстрат сохранился как словообразовательный аффикс в форме «хуш», с помощью которого обычно образуются прилагательные, как, например: «хушбуй» — приятный (запах); «хушбахт» — счастливый; «хушхабар» — приятная новость; «хушвакт» — веселый и т. п.⁹

Что касается топоосновы «Қўқанда» и «Хужанда» — «канд» и «жанд» — и ее синонимов — «кент», «кат», «ката», «кад», восходящих к самостоятельным согдийским словам: кат, ката, кеде («дом», «усадыба»), то она сохраняется как лексема и в современных таджикском и узбекском языках и их говорах. Например: кат — «деревянный помост, на котором сидят и спят», «деревянная кровать»; катак — «курытник», «дровяник»; катхудо — «хозяин, староста»; кадебону — «хозяйка» и т. п. Наряду с употреблением суффикса «кент» в составе топонимов, «кент» выступает и как самостоятельное слово. Для современных тюркских языков оно приводится в словарях как устаревшее слово в значении «город», «селение», «власть». В этом значении оно употреблялось в Средней Азии перед революцией и в первые послеоктябрьские годы. По мнению А. З. Розенфельда, это слово, согдийское по происхождению, в древности было заимствовано в других иранских и тюркских языках и, по всей вероятности, через тюркские вошло в таджикский язык¹⁰.

Таким образом, топонимы «Қўқон» и «Хужанд» образовались из сочетания двух сложных топоформантов «ху» и «канта», впоследствии утративших свою первоначальную форму и значение. Мы склонны считать, что первоначальные топоформанты топонимов «Қўқанда» и «Хужанда» восходят к единому композиту — Хуканта,

³ Додихудоев Р. Х. Этимологии астионима Ленинобад (Хучанд) // Известия Таджикской ССР: Серия востоковедение, история, филология. 1986. № 2. С. 29.

⁴ Истахри. С. 335, 347; Ибн Хаукаль. *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim ibn Haukal* // BGA. V. II/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873. P. 395, 399; Макдиси. *Descriptio imperii moslemici auctore Schamsoddin Abu Abdollah Mohammad ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Baschhari al-Mekaddasi* // BGA. V. III/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877. P. 272.

⁵ Бобир Захириддин Мухаммад. Бобирнома. Тошкент, 1960. С. 81, 161.

⁶ Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних иранских языках. Л., 1972. С. 51—52.

⁷ Додихудоев Р. Х. Указ. статья. С. 27—29.

⁸ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. С. 186, 196, 203, 204, 211.

⁹ Толковый словарь узбекского языка: В двух томах. Т. 2. М., 1981. С. 342—345.

¹⁰ Розенфельд А. З. Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимии // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 65.

который следует толковать не как «Солнечный город» или «Солнце-город» (по утверждениям Л. Г. Герценберга¹¹ и Р. Х. Додихудоева¹²), а как «Приятный город, Город-красавец».

В средневековых письменных источниках эти города, особенно Хужанд, описываются как красивейшие города Мавераннахра. По данным арабских географов, Хужанд был единственным большим городом на левом берегу Сырдарьи и в IX—X вв. состоял из собственно города (мадина — шахристан), цитадели (кухандиз) и предместья (рабад). Дворец правителя располагался на площади в рабаде, тюрьма — в кухандизе, а соборная мечеть — в мадине. Город, занимавший по прямой линии свыше одного фарсаха (6—8 км), был густо заселен и застроен, на его окраине было много виноградников и садов. По обилию и качеству фруктов он превосходил другие области. Посредине города протекал канал. Город был очень красив и отличался хорошим, здоровым климатом. Ибн Хаукаль отмечает, что Хуканд «по красоте своей одинок среди областей»¹³. А Макдиси пишет: «Хужанда — город услады, нет на этой стороне более приятного [города], чем он, посреди его течет река и гора смежна с ним... хвалят его мудрецы и поэты»¹⁴.

Благодаря своей изящности и красоте природы Хужанд получил эпитет «Тиро-зи Жакон»¹⁵, т. е. «Украшение мира, Узор мира».

По народному преданию, город Қўқанд был основан ходжентцами на берегу одного из дельтовых русел горной речки Сохсай. В честь Хўжанда новый город был назван Хўқандом. Это его древнее название перешло впоследствии в Қўқанд.

Следует отметить, что историческая наука до сих пор не располагает ни археологическими, ни письменными данными о времени возникновения города Хуканд. На территории Коканда еще не проводились никакие археологические работы. Современный же город Коканд возник в начале XVIII в. «на месте селения Хоканд, существовавшего здесь в средние века»¹⁶.

В средние века город Хуканд получает эпитет «Латиф» — «изящный». Вполне возможно, что этот эпитет город получил от арабоязычных толкователей топонима Хуканд (подобно тому, как, например, р. Зарафшан, называемая в древности местным населением «Намик», была переименована греками в «Политимет»). Любопытно, что эпитет «латиф», т. е. арабское толкование согдийского «Хуканд», в сочетании с основным названием города широко применялся до конца XIX в. На монетах последних правителей Кокандского ханства выбивалась надпись: «чекан изящного Куканда».

Итак, топонимы Қўқанд и Хужанд были связаны с согдийским сложным словом «Хуканта», где первый компонент имеет значение «приятный, изящный, хороший, красивый», а второй связан со словом «канта» — «город».

Следовательно, Қўқанд и Хужанд, как одноименные города Средней Азии, можно толковать как «Изящный город», «Город-красавец», что и подкреплялось эпитетами «Хуканди латиф» («Изящный Коканд») и «Тиро-зи Жакон» («Украшение мира»).

А. Р. Мухамеджанов

¹¹ Герценберг Л. Г. Указ. соч. С. 52.

¹² Додихудоев Р. Х. Указ. статья. С. 31.

¹³ Ибн Хаукаль. С. 391—392.

¹⁴ Макдиси. С. 272.

¹⁵ Эпитет «Тиро-зи Жакон» у Н. Н. Нигматова переведен как «Невесты Мира», См.: Нигматов Н. Н. Ходжент: Основные этапы истории//Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 9.

¹⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. С. 276.

НОВЫЕ КНИГИ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «БАБУР-НАМЕ» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В Париже в 1985 г. вышло в свет второе издание «Бабур-наме» в переводе на французский язык¹. Ее первое французское издание под названием «Книга Бабура» было осуществлено в 1980 г. в собрании трудов ЮНЕСКО в серии «Центральная Азия». Перевод с тюркско-чагатайского языка осуществлен французским востоковедом Жаном Луи Бакке-Граммом. Этот перевод был разбит на три части: Мавераннахр, Афганистан, Индия, — предисловия к которым написали доктор ист. наук С. А. Азизджанова (Узбекистан), Абдулхай Хабиби (Афганистан) и проф. Мухибул Хасан (Индия). Как свидетельствует Ж. Л. Бакке-Граммон, «эти тексты выполнены качественно и с большой эрудицией».

¹ Le Livre de Babur. Babur name: Mémoires du premier Grand Mogol des Indes (1494—1529). Paris, 1985. 358 p.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

пуса и 11-й кавалерийской дивизии были оставлены дела по преступлениям военно-служащих.

В ХНСР решением ХорЦИК от 1 января 1922 г. борьба с бандитизмом была возложена на чрезвычайную тройку и чрезвычайную комиссию, причем последняя была органом дознания по делам, особо опасным для республики²⁸. Органом дознания по общеуголовным делам было Управление милиции Хорезма, созданное 9 апреля 1920 г.

Надо сказать, что наличие многочисленных законодательных и ведомственных актов, содержащих нормы по тем или иным вопросам предварительного следствия и дознания, осложняло работу этих органов. Положение изменилось после введения в действие УПК РСФСР на территории ТАССР (август 1922 г.), БНСР и ХНСР (1924 г.). В данном кодексе общие вопросы подследственности применительно к народным следователям, военным следователям и следователям ревтрибуналов получили дальнейшее развитие и закрепление.

Из сказанного можно сделать некоторые выводы. Становление и развитие института подследственности в ТАССР, БНСР и ХНСР происходило в условиях некодифицированного законодательства. Были сформированы виды подследственности — территориальная и предметная, проявились признаки и специальной подследственности. Правильное определение и соблюдение правил предметной и территориальной подследственности в органах предварительного расследования было одним из условий четкой организации работы органов предварительного расследования.

Становление и развитие подследственности органов предварительного расследования убедительно показывает, что органы предварительного расследования (ТуркЦИК, ГПУ, милиция, народные следователи, следственные комиссии и т. д.) принимали к своему производству уголовные дела только о тех преступлениях, борьбу с которыми были призваны вести ведомства, при которых они состояли. Таким образом, главным критерием определения подследственности органов предварительного следствия было и ныне является, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, назначение в государственном аппарате ведомства, в состав которого включен следователь.

Совершенствование института подследственности детерминировано изменениями социально-экономических и политических условий жизни общества, отражает изменения общественных отношений на различных этапах развития страны и потому имеет объективный характер.

С. А. Белоусов

²⁸ См.: Джалилов Т. Страницы истории милиции Хорезма и Бухары. Ташкент, 1970. С. 18.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ «МАВЕРАННАХР» И «ТУРКЕСТАН»

В исследованиях по древней и средневековой истории Узбекистана весьма часто употреблялись и употребляются такие географические названия, как «Мавераннахр» и «Туркестан».

В средневековой арабо-персоязычной историко-географической литературе под названием «Мавераннахр» (точнее: *Мā varā' an-naḥr* — «то, что за рекой», «за-речье») подразумевалась территория, расположенная за Амударьей, к востоку от нее.

В «Му'джам ал-булдан» Якута ибн Абдал-лаха ал-Хамави сообщение о Мавераннахре начинается словами: «[*Мā varā' an-naḥr*] йураду бихи *мā нара' an-naḥr* Джайхун», т. е. «под Мавераннахром имеется в виду то, что за рекой Джейхун». Джейхун — это Амударья, которая у древних греков именовалась Окс или Оксус. Отсюда и латинское название данного региона — Трансоксания или Трансоксиана.

Распространение термина «Трансоксания» берет свое начало в новое время¹. Он был усвоен в европейском востоковедении и к XIX—XX вв. произвольно получил широкое толкование, заменяя иногда понятие «Средняя Азия»². Данное название применял в своих трудах В. В. Бартольд³. И в наши дни термин «Трансоксания» применительно к Междуречью изредка встречается в научной литературе⁴.

¹ Йақўт ибн Абд-аллах ал-Хамави ар-Рўмӣ. Китоби му'джам ал-булдан. Ал-Миср, 1907. С. 370; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXIV. СПб., 1902. С. 203.

² Вамбери А. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. СПб., 1873.

³ Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях // Бартольд В. В. Соч. Т. IV. С. 97, 99, 102, 106.

⁴ См., напр.: Стори Ч. А. Персидская литература: Био-библиографический обзор: В 3-х частях. М., 1972.

Что касается термина «Мавераннахр», то он, впервые примененный в арабоязычных источниках IX—X вв., довольно широко употребляется и в настоящее время.

По сообщению В. В. Бартольда, «из арабской географической литературы название Мавераннахр перешло в персидскую. Еще в XI [хиджры]/XV в. Хафиз-и Аbru посвятил Мавераннахру особую главу (последнюю) своего географического сочинения. Под влиянием литературной традиции в самой Средней Азии выражение Мавераннахр употреблялось до последнего времени, хотя для жителей Средней Азии соответствующие области находились по эту сторону реки, а не по ту»⁵. Как видим, будучи первоначально арабским определением, «Ма вара' ан-нахри» со временем утратил свое лексическое значение и превратился в название культурной области в бассейне Аму- и Сырдарьи.

Ко времени нашествия арабов Средняя Азия представляла собой обширную область, раздробленную на многочисленные владения (Согд, Тохаристан, Чатганиян, Хорезм и др.). Каждое из них, в свою очередь, состояло из множества мелких княжеств, представлявших собой укрепленный город с небольшой округой. Между правителями, между прочим, часто состоявшими друг с другом в родстве, то и дело вспыхивали междоусобные распри, которые и помешали им объединиться для борьбы против арабской экспансии. Хотя местное население самоотверженно отстояло свою независимость, города Мавераннахра один за другим были захвачены арабскими военачальниками. Сначала они осадили Пайкенд, затем Бухару и дальше двинулись в Согд, в Самарканд и т. д.

В VII—VIII вв. в Мавераннахре наряду с оседлым населением жили кочевники — турки, тургешы, карлуки. Тюрки, населявшие Тохаристан, а также в значительном количестве — долину Зеравшана, район между Бухарой и Самаркандом, в эпоху арабского завоевания были крупной силой. Согдийские правители поддерживали отношения с западными тюрками и часто призывали их на помощь в борьбе против арабских завоевателей.

Границы территории Мавераннахра в северном и восточном направлениях находились там, где кончалась власть ислама, и зависели от политических условий; точнее — границы земель, обозначаемых «Мавераннахр», не были постоянными. Этим и объясняется то, что в разное время различные авторы не всегда включали в понятие «Мавераннахр» одну и ту же территорию; согласно некоторым из них, в «Мавераннахр» входили и земли, располагавшиеся за пределами двух рек — Амударьи и Сырдарьи. Так, по Хафиз-и Аbru, «северо-восточная граница Мавераннахра — область Кашгар и Хотан до пределов Моголистана, дальше идет земля уйгуров. Северо-западная граница — кипчакская степь, страна узбеков и Туркестан. К северу от Мавераннахра простирается шестой климат, (именно) Алмалык и Баласагун; все это область тюрков»⁶.

Автор более позднего периода (XVII в.) Махмуд ибн Вали в своем сочинении «Море тайн относительно доблестей благородных» сообщает: «Мавераннахр — обширная страна из стран Востока. В сущности Мавераннахром назывались все большие и малые города, области, деревни, и селения, горы и равнины, расположенные между реками Джейхун и Сейхун. Так, Термез, Кубадиян, Вахш, Саганиан, Несеф, Кеш, Самарканд, Бухара, Фергана, Хутталан относятся к Мавераннахру [вспомним, что, согласно Табари, Хутталан (Хутталан) не входил в пределы Мавераннахра]⁷, Ташкент, Сайрам и Туркестан к нему не относятся». По его словам, «с древнейших времен по настоящее время столицей Мавераннахра является Бухара»⁸.

Особый интерес представляет сообщение Махмуда ибн Вали о городе Несеф (Нахшеб): «Нахшеб — из городов Мавераннахра; в прошлом также называли Несефом. Келек-хан монгол построил там дворец. Так как по-монгольски «дворец» называется «карши», с тех пор этот город приобрел известность под [названием] Карши»⁹.

Хафиз-и Таныш Бухари в одной из глав своего труда «Шараф-наме-йи шахи» приводит сведения о географическом расположении Мавераннахра, а также относительно его границ¹⁰. По его определению, площадь Мавераннахра составляет примерно 100×240 фарсахов¹¹.

⁵ Бартольд В. В. Мавераннахр (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 471.

⁶ Бартольд В. В. Хафиз-и Аbru и его сочинения // Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. С. 85.

⁷ См. об этом: «История ат-Табари». Ташкент, 1987. С. 240.

⁸ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Ташкент, 1977. С. 76.

⁹ Там же.

¹⁰ Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи. М., 1983. Ч. I. С. 218—219.

¹¹ Фарсах — миля, фарсанг; мера длины, равная 2250 м; ист. = 5760 м. См.: Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1977. С. 589.

В. В. Бартольд писал, что «Мавераннахр..., по терминологии средневековых мусульманских географов, не входил в состав Туркестана (страны тюрков, т. е. областей, расположенных между мусульманскими владениями и Китаем и населенных тюркскими и монгольскими кочевниками)»¹². Действительно, параллельное употребление названий «Мавераннахр» и «Туркестан» в таких источниках, как «Тарихи Масъуди» Абу-л Фазла Бейхаки, «Тарихи Систан», «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йезди, «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша Бухари, «Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди и др., подтверждают эту мысль ученого.

Для определенных периодов В. В. Бартольд считает возможным понимать под Туркестаном и территорию Мавераннахра. Он отмечает, что «после падения государства Саманидов турки [тюрки] начали селиться в крае в большем количестве, чем прежде; «Мавераннахр» арабов постепенно сделался «Туркестаном»; появились турецкие географические названия»¹³. В связи с этим особый интерес представляет сообщение Махмуда Кашгарского о том, что «весь Мавераннахр, т. е. страны от Ианканда до Востока, считаются тюркскими на том основании, что название городов [там расположенных] Самарканд — Семизканд, Ташканд — Шаш, Озканд, Тунканд все являются тюркскими. Канд — по-тюркски означает город»¹⁴.

Ценны сведения Табари о том, что основная часть населения Ферганы¹⁵, Согды¹⁶, а также Несефа¹⁷ и Бухары в период арабских завоеваний была тюркоязычной. Табари пишет: «...Он бежал и, в поисках убежища, перешел через реку в Фергану к тюркам»¹⁸. О нашествии арабов под предводительством Убайдулла ибн Зийада в 674 г. он сообщает: «Убайдулла б. Зийад встретил в Бухаре тюрков, а с их царем была его жена Кабадж-хатун»¹⁹. Сведения Табари подтверждаются данными Махмуда Кашгарского, который в «Дивану лугатит-турк» приводит названия тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии и указывает примерные границы их расселения²⁰.

Процесс, о котором говорил В. В. Бартольд, т. е. заселение Мавераннахра тюркскими племенами и превращение его в «Туркестан», продолжался очень долго, что подчеркивает и сам ученый²¹.

Таким образом, термин «Мавераннахр», появившись первоначально как название определенной географической местности, стал названием страны, границы которой могли изменяться в зависимости от политических событий. Постепенно значение этого названия абстрагировалось и в последующие века стало в отдельных случаях равнозначно термину «Туркестан», порою даже выражая понятие «Средняя Азия».

Что касается названия «Туркестан», или «Туркистан», означающего «страна тюрков», то в древности оно употреблялось относительно той части Средней и Центральной Азии, которая была заселена тюркоязычными народами. Параллельно с «Туркестаном» существовало и название «Туран». Предельно ясное объяснение этому термину и его происхождению дано в трудах В. В. Бартольда «Иран», «Туркестан». В частности, ученый писал: «Ирану чаще всего противопоставлялся «Туран», слово, образованное от «туры» таким же образом, как Иран от «арий», только впоследствии «Туран» отождествили с «Туркестаном», «страной турок»²². Подобное противопоставление Ирана и Турана часто встречается у Абд ар-Раззака Самарканди в «Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн»²³.

Основываясь на данных географической литературы, В. В. Бартольд заключает, что под Тураном понимали бассейн Аральского моря. Согласно легенде, рассказанной Табари, естественной границей между Ираном и Тураном была Амударья (Окс). Согласно Себеосу (VII в. н. э.), Амударья (Вехрот) вытекает из страны Тюрк'астан²⁴.

В сочинении неизвестного грузинского летописца XIV в., посвященном истории монгольского владычества в Грузии, упоминаются отдельные области Средней Азии.

¹² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Бартольд В. В. Соч. Т. I. С. 114.

¹³ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 108.

¹⁴ Махмуд Кошгарий. Дивану лугатит-турк/Солих Муталлибов таржима-си. Тошкент, 1963. Т. III. С. 164.

¹⁵ История ат-Табари. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 141.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 44.

²⁰ См. об этом: Ахмедов Б. А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 23.

²¹ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. С. 117.

²² Бартольд В. В. Иран//Бартольд В. В. Соч. Т. VII. С. 231.

²³ Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. Тошкент, 1969. С. 4, 6, 7, 57, 184 и др.

²⁴ Бартольд В. В. Туркестан//Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 518

В данном источнике, который условно назван грузинскими историографами «Жамда-агмицерели» (т. е. летописец), Средняя Азия именуется «Туран», «Туркестан», «Туркети»²⁵.

Граница между Ираном и Туркестаном менялась часто в силу политических обстоятельств. При Сасанидах граница страны тюрков, начинавшаяся непосредственно севернее Амударьи, в VI в. н. э. постепенно продвинулась к Амударье. Вследствие завоеваний арабов в Средней Азии «тюрки были оттеснены далеко на север; поэтому для арабских географов IX—X вв. Туркестан начинался не непосредственно севернее культурных областей, называвшихся «страной по ту сторону реки» Маваэр-ан-нахри. Туркестан, страну тюрков, представляли себе в то время как местность севернее и восточнее Мавераннахра»²⁶.

Таким образом, первое упоминание слова «Туркестан» арабскими историками и географами относится к IX—X вв. Согласно арабоязычным источникам, Туркестан, говорил В. В. Бартольд, представлял собой «все земли между мусульманскими владениями в Мавераннахре и Китаем, главным образом восточную часть нынешней Сырдарьинской области (ад. единица деления Туркестанского генерал-губернаторства), Семиреченскую область и Восточный Туркестан»²⁷.

«Туркестан» зафиксирован во вступлении «Кутадгу билик» как название обширной области на Востоке²⁸.

В средние века «Мавераннахр» и «Туркестан» длительное время существовали независимо друг от друга. Но в XVI в., с завоеванием Шейбанидами территории Мавераннахра, здесь образовалось шейбанидское государство, простиравшееся от Сырдарьи до Центрального Афганистана. Именно с этими политическими событиями В. В. Бартольд связывает отождествление понятий «Мавераннахр» и «Туркестан».

Название «Туркестан» часто встречается в таких крупных трудах В. В. Бартольда, как «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «История орошения Туркестана», «История культурной жизни Туркестана» и других, которые касаются истории народов Средней Азии и Ирана. Ученый использовал название «Туркестан» в разных значениях, которые условно можно разделить на три вида: 1) конкретное; 2) общесобирательное; 3) в значении названия города.

1. Конкретным значением названия «Туркестан» было то, которое оно носило в средние века. Относительно XIII в. В. В. Бартольд пишет: «Туркестаном и Мавераннахром в конце царствования Угэдея и после него при следующих государях, до Хайду включительно управлял сын Ялавача, Маъсудбек»²⁹. При описании восстания Тараби, также четко разграничивая оба названия, он пишет: «В Мавераннахре и Туркестане...»³⁰.

2. Относительно второго значения, которое мы условно назвали «общесобирательным», следует отметить, что В. В. Бартольд применил термин «Туркестан», исходя из общепринятых названий, установившихся в научной и политической литературе в связи с образованием в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства. В «Предисловии» к Сочинениям В. В. Бартольда редакторы отмечают, что, «пользуясь русскими документами XIX—нач. XX вв., а нередко и в других случаях В. В. Бартольд и в советское время продолжал употреблять термины дореволюционного времени»³¹.

В научную литературу XIX в. термин «Туркестан» был введен английскими путешественниками, как предполагает В. В. Бартольд, под влиянием персидского и афганского употребления этого слова. Ученый пишет: «...Русские и по их примеру западные европейцы стали употреблять термин «бухарец» в смысле «горожанин Средней Азии», «торговец». Тот же термин был распространен и на не имевшую в своей политической жизни ничего общего с Бухарой Кашгарию, которую стали называть «Малой Бухарой». Только в XIX в. термины «Великая» и «Малая» Бухария были заменены терминами «Западный и Восточный Туркестан»³². Это название употреблялось и в советское время вплоть до национально-государственного размежевания Средней Азии.

В общесобирательном значении название «Туркестан» В. В. Бартольд использовал шире, иногда даже имея в виду под Туркестаном весь Среднеазиатский регион. Например, он пишет: «О религиозной жизни домусульманского Туркестана мы имеем

²⁵ Михалева Г. А. О грузинских источниках по средневековой истории Средней Азии//Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 2. С. 58.

²⁶ Бартольд В. В. Туркестан. С. 518.

²⁷ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXXIV. С. 203.

²⁸ Кутадгу билик: Наманганская рукопись. Вступление.

²⁹ Бартольд В. В. Туркестан под владычеством монголов (1227—1269)// Бартольд В. В. Соч. Т. I. С. 549.

³⁰ Там же. С. 545.

³¹ Бартольд В. В. Соч. Т. II (Ч. I). Предисловие. С. 15.

³² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Бартольд В. В. Соч. Т. II (Ч. I). С. 273.

и некоторые письменные известия, преимущественно для главного города Самарканда...»³³; «Часть страны, ныне входящей в состав Туркестана, именно Туркмения находилась под властью парфян»³⁴ и т. д.

З. В. В. Бартольд употребляет «Туркестан» и в значении г. Ясы (в Южном Казахстане). Город Ясы получил название «Туркестан» в конце XV в., когда был захвачен Шейбани-ханом. В этом же значении название «Туркестан» довольно часто встречается в письменных памятниках XVI—XVIII вв.³⁵ Это название сохранилось за древним городом, входящим ныне в Чимкентскую область Казахской ССР.

В советское время «Туркестан» как название административного деления было вытеснено из употребления после проведения в Средней Азии национально-государственного размежевания (1924 г.). Позже, критикуя исследователей, которые понимали под Туркестаном весь Среднеазиатский регион, В. В. Бартольд писал: «В Советской России слово «Туркестан» постепенно вытесняется из употребления главным образом по этнографическим причинам. После революции несколько лет существовала Туркестанская республика... После окончательного проведения национального принципа в 1924 г. общегеографическое название должно было уступить место названиям, образованным от названий народов: Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан»³⁶.

Однако в буржуазной историографии и в настоящее время продолжают употреблять «Туркестан» применительно ко всей территории Средней Азии, и не только к периоду Туркестанского генерал-губернаторства, но и к более ранним периодам, например начала XIX в.³⁷

Подытоживая приведенные данные, можно отметить следующее.

Во-первых, оба термина, «Мавераннахр» и «Туркестан», носящие в себе четкое географическое содержание, согласно приведенным выше определениям, в период средневековья обозначали расположенные в соседстве конкретные территории, не составляющие в географическом значении одно целое.

Во-вторых, в силу политических мотивов граница между этими территориями очень часто менялась. Следовательно, при использовании данных названий необходимо иметь в виду политическую обстановку того периода, о котором идет речь.

В-третьих, в позднесредневековой исторической литературе продолжали употребляться оба термина, хотя они уже утратили свое первоначальное значение. При этом следует иметь в виду традиционность и компилятивность, в известной мере характерные для средневековых источников.

В-четвертых, хронологические рамки применяемости этих терминов сводятся к следующему: и для «Мавераннахра», и для «Туркестана» самой крайней по времени границей применения является период завоевания страны кочевыми даштикипчакскими племенами. С XVI в. географические названия уступают место политическим: «Шейбанидское государство», «Бухарское ханство», «Хивинское ханство» и т. д. С этого момента вплоть до XIX в. для обозначения территории Узбекистана практически не использовался какой-либо иной политический или географический термин. Только в XIX в. постепенно распространилось название «Туркестанский край», которое окончательно утвердилось после присоединения Средней Азии к России и применялось вплоть до национально-государственного размежевания.

Уточнение использования названий «Мавераннахр» и «Туркестан» особенно важно в связи с подготовкой к изданию многотомной «Истории Узбекской ССР», в частности для томов, отражающих период средневековья. Произвольное употребление в исторических исследованиях названий «Мавераннахр», «Туркестан», а иногда и «Средняя Азия», применительно к территории нынешнего Узбекистана, является причиной возникновения некоторой неясности в изложении и создает трудности для читателя. Представляется целесообразным употребление названия «Мавераннахр» применительно к территории современного Узбекистана лишь относительно периода от арабских завоеваний до образования Шейбанидского государства. Поскольку название «Туркестан» ни в средневековье, ни в новый период по содержанию (в первом случае узкое, а во втором — более широкое) не соответствует территории нынешнего Узбекистана, необходимо применять этот термин в полном соответствии с изучаемым периодом истории.

Н. А. Асилова, Г. А. Азимова

³³ Бартольд В. В. История Туркестана // Бартольд В. В. Соч. Т. II (Ч. I). С. 116.

³⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. С. 178.

³⁵ См.: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.: Письменные памятники. Ташкент, 1986.

³⁶ Бартольд В. В. Туркестан (статья из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Соч. Т. III. С. 518.

³⁷ Turkestan in the Nineteenth Century: A brief history of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva / By Mary Hoidsworth. Oxford, 1959.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1997

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ САМАРКАНДА

О времени основания самого крупного в среднеазиатском междуречье города — Самарканда высказывались весьма различные точки зрения, начиная с работ В. В. Крестовского, производившего раскопки на Афрасиабе еще в конце XIX в.¹

Однако в большинстве своем они были весьма гипотетичными. В. Л. Вяткин впервые подошел к данной проблеме с более серьезным научным обоснованием, сопоставив письменные источники с археологическими данными. Но первоначальное обживание территории Афрасиаба он относит к IV в. н. э., а позднее удревает эту дату до I—II вв. н. э.²

В. Л. Вяткин первым выдвинул гипотезу о концентрическом развитии древнего города, т. е., по его мнению, обживание его территории начинается в пределах первой стены, затем город расширяется в пределах второго кольца стен и, наконец, сооружается третья стена³. Это верно применительно к средневековому периоду.

В 30-е годы в Самаркандской области работал Г. В. Григорьев. Он произвел раскопки и разведки на ряде археологических памятников южной части области⁴. Он первым среди археологов Средней Азии подходит к стратиграфии памятника достаточно квалифицированно. При раскопках на поселении Тали-Барзу он получил последовательные археологические комплексы, которые и до сего дня не утратили своего значения.

Видимо, под влиянием Г. В. Григорьева А. И. Тереножкин в послевоенные годы производит аналогичные работы на Афрасиабе. Но в отличие от Г. В. Григорьева А. И. Тереножкин в условиях отсутствия рабочей силы и средств зачищает обрывы и овраги, закладывает небольшие раскопки на оборонительных стенах и на этой основе получает очень хорошую стратиграфическую колонку, которая и поныне сохраняет свое значение⁵. А. И. Тереножкин впервые подходит к выводу, что Самарканд как город возникает в пределах четвертой стены в середине I тыс. до н. э. Вместе с тем, по его мнению, древнейшим ядром, т. е. поселением на месте Афрасиаба, была прямоугольная «храмовая площадка» в пределах «северного укрепления»⁶.

К старой точке зрения возвращается М. К. Пачос, считавший, что на Афрасиабе нет слоев ранее IV—VII вв. н. э.⁷ По его мнению, внешняя городская стена построена на месте разрушенных древних стен лишь в VIII — первой половине IX в.

О. В. Обельченко тоже участвовал в раскопках цитадели Афрасиаба в 1958—1962 гг. и на основании своих наблюдений сделал вывод, что древние слои Афрасиаба и, следовательно, возникновение города относятся к VII—VIII вв. н. э. Кроме того, он тоже отрицает отождествление Мараканды греческих авторов с Самаркандом⁸.

Однако большинство специалистов эту позицию не поддержали⁹.

В те же годы в южной части Афрасиаба проводила большие археологические работы Н. Б. Немцева, выявившая материалы середины I тыс. до н. э. в пяти пунктах¹⁰. Важны ее стратиграфические наблюдения и сопоставительный анализ полученных материалов. Она обнаружила среди слоев середины I тыс. до н. э. крышку

¹ Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887.

² Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1927; Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей//Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.

³ Вяткин В. Л. Указ. соч. С. 5—6.

⁴ Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу//ТОВЭ. Т. II. М., 1940; его же. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда//Архив Республиканского Музея истории, культуры и искусства Узбекистана. Самарканд, 1941. № 636; его же. Поселения древнего Согда//КСИИМК. XXXIII. М.; Л., 1950.

⁵ Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда//ВДИ. М., 1947. № 4; его же. Согд и Чач//КСИИМК. XXXIII.

⁶ Тереножкин А. И. Вопросы... С. 128.

⁷ Пачос М. К. Полевой отчет за 1962 г./Архив Института археологии АН РУз. № 167; его же. Оборонительные сооружения Афрасиаба: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966; его же. К изучению стен городища Афрасиаб//СА. М., 1967. № 1. С. 60—73.

⁸ См.: Иневаткина О. Н. Акрополь древнего Самарканда в структуре города (VI в. до н. э.—V в. н. э.): Канд. дис. М., 1995. С. 13—14.

⁹ Шишкин В. А. К истории...; его же. Кала-и Афрасиаб: Работы Института истории и археологии АН Уз по изучению домонгольского Самарканда (1945—1966 гг.)//Афрасиаб. Вып. I. С. 122—152.

¹⁰ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб//Афрасиаб. I. С. 153—205.

лепного изготовления со своеобразной тамгой наверху. Путем сопоставления она выявляет такие же крышки с тамгой среди материалов Яз-I и Яз-II¹¹.

В 1961—1966 гг. в северной части городища Афрасиаб велась раскопки М. И. Филанович, выявившая в пределах первой крепостной стены последовательное существование нескольких хаузов в VII—IV вв. до н. э.¹² В те же годы она заметила на раскопе 26 («храмовая площадка») и на цитадели (Р-45) под кладкой из квадратных кирпичей III—II вв. до н. э. наличие более раннего пахсового массива¹³.

Учитывая эти факты и на основе аналогий, выявленных на поселениях древней Маргианы, М. И. Филанович предположила наличие под «храмовой площадкой» древнего неукрепленного поселения VII—IV вв. до н. э.

Более подробную информацию о процессах урбанизации на территории Афрасиаба и его окружи собрала Г. В. Шишкина. Она впервые после А. И. Тереножкина подтвердила, что город на месте Афрасиаба возник в пределах четвертой стены в середине I тыс. до н. э.

По ее мнению, до сложения на месте Афрасиаба города существовали в основном небольшие поселения вокруг Афрасиаба, как Курганча (на территории современного Института археологии) и Лолазор (в южной части «Университетского бульвара»). По Г. В. Шишкиной, население этих и других пунктов перед походом Кипа в Среднюю Азию спешно собирается и сооружает крепостные стены Афрасиаба. Различия между оборонительным валом и стеной из пахсы и кирпича небольшие. К тому же, как отмечает Г. В. Шишкина, «первая кирпичная городская стена с продольным коридором и с шелевидными вентиляционными проемами и, видимо, такими же бойницами, может быть, связана с деятельностью ахеменидских властей по устройству столичного центра их новой Согдийской сатрапии, возможно это связано... с организацией походов против «саков, которые за Согдом»¹⁴.

Большое значение имеет проведенное О. Н. Иневаткиной изучение цитадели древнего Самарканда. С конца 70-х годов она непосредственно работала в составе Афрасиабской экспедиции. В начале 90-х годов, будучи участницей узбекско-французской экспедиции, она обнаружила в юго-восточной части цитадели (Р-15) под оборонительными стенами середины I тыс. до н. э. совершенно новую, ранее не известную стену из кирпичей прямоугольного формата с выпуклым, буглообразным верхом. На верхней поверхности их имелись клейма¹⁵. Нижняя площадка цитадели (площадью 2,5 га) представляет собой довольно плоскую подтреугольную возвышенность, ограниченную с севера Сиабом.

В процессе зачистки старых траншей М. К. Пачоса и оврага в южной части площадки, прямо под дерном, была обнаружена кладка из прямоугольных кирпичей. Это была ранняя стена акрополя древнего Самарканда. Обычно археологи называют ее первым кольцом оборонительной стены Афрасиаба. Однако во многих местах северной части эта стена не сохранилась (она обрушилась в р. Сиаб). На этом объекте выявлена достаточно интересная информация как по стратиграфии стены акрополя, так и по ранним этапам жизни на Афрасиабе.

Стена на этом участке достаточно мощная, монументальная; общая толщина ее в основании доходит до 12 м, а по верхней части — до 10 м.

Разрез участка стены показал, что ранее там воздвигали стену толщиной 7 м из больших прямоугольных кирпичей с выпуклой верхней поверхностью. Это была самая ранняя стена акрополя. Она была монолитной, но сооружалась блоками, по 4—6 рядов кирпичей. На Р-15 и Р-45 она была сооружена на лёссе. По разрезу стены видна слегка выровненная поверхность лёсса, на которую положили кирпичную кладку. Каждый ряд уложен на растворе. Кирпич не всегда прямоугольный, нижняя поверхность кирпича ровная, углы округленные. Такие кирпичи готовили прямо на месте. Размеры их были разными: 55×23×6; 52×25×8; 44×27×7; 48—52×25×9; 55×29×9; 57×25×7; 59×27×6; 52×30×8. Это объясняется индивидуальным изготовлением каждого кирпича.

На других участках размеры кирпичей иные: 44×33×9; 42×30×7; 46×32×5. На них имеется клеймо в виде окружности. Кирпичи с других участков стены имеют знаки в виде двустороннего крючка или клейма в виде точек, продавленных пальцами.

Различие параметров и форм кирпичей обусловило и разную толщину раствора между ними. Она колеблется от 3—5 до 10—15 см, иногда толщина раствора была больше, чем кирпича. Тем самым строители пытались сохранить горизонтальность уровня рядов кирпичей в кладке. Местами использованы и обломки кирпичей.

¹¹ Там же. С. 158—159.

¹² Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе//Афрасиаб. Вып. I. С. 206—220.

¹³ Наблюдения и раскопки М. И. Филанович на «храмовой площадке» и на Р-45 не опубликованы. Эти данные были получены из диссертации О. Н. Иневаткиной (Иневаткина О. Н. Акрополь... С. 16).

¹⁴ Шишкина Г. В. Древний Самарканд и его округа//Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда: античность, раннее средневековье//Материалы симпозиума (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 164—170.

¹⁵ Иневаткина О. Н. Акрополь... С. 29—35.

Кладка первого строительного периода сохранилась на всем протяжении, вплоть до обрыва над Снабом, воды которого уничтожили северо-восточный угол и северную стену древней площадки.

Итак, первоначальная стена из булкообразных кирпичей (стена А, по О. Н. Иневаткиной) имела толщину от 7 до 10 м. О длительном существовании ее свидетельствуют накопившиеся (до 2 м) натеchnые слои и свалки мусора с внутренней стороны цитадели.

Через определенное время был произведен крупный ремонт стены. Она укрепляется с наружной стороны, охватывая при этом и подножие стены шириной более 3—4 м; это помогает укрепить фасад стены. Поверх старой стены сооружается совершенно новая, с коридорно-галерейной системой. В процессе строительства новая стена расширяется во внутреннюю сторону акрополя почти на 1 м и закрывает как слой мусора, так и стену первого строительного периода.

Эта коридорно-галерейная система стен возводится уже из прямоугольных кирпичей с устоявшимся стандартом 60×27×11, 62×25×11 см, при толщине раствора 4 см.

Объект изучен О. Н. Иневаткиной очень тщательно, и, можно сказать, является эталоном для сопоставления с другими оборонительными стенами Афрасиаба ранних периодов.

Как известно, ранее на юго-западе Афрасиаба была вскрыта угловая часть оборонительной стены в виде стрелковой галереи с прямоугольными бойницами, расположенными в шахматном порядке. В свое время исследователи датировали ее ахеменидским периодом¹⁶.

В целях проверки наличия или отсутствия там более ранней стены был заложен небольшой зондаж на юго-восточном конце стены первого кольца, на месте ее плавного поворота к северу (раскопки О. Н. Иневаткиной). Зондаж охватывал ширину коридора под стрелковой галереей, т. е. стены ахеменидского периода. Под уровнем горелого пола коридора удалось выявить верхушку оплывшей кладки из архаических кирпичей (64×33—35×8 см), выпуклых в сечении.

Как на раскопе Р-15, так и здесь кладка кирпичей новой стены слегка выступает от основной нижней кладки. Возле стены, как и на Р-15, с северной стороны накапливается строительный мусор. Верхушка стены оплыла в сторону низины (северное направление). Перед строительством верхнего стрелкового коридора выступающий оплывший гребень был сглажен и на него была поставлена внешняя стена нового коридора.

Разумеется, при строительстве новой стены была максимально использована старая — стену семиметровой толщины было явно нецелесообразно сносить целиком. А в результате обе кладки, т. е. более раннюю и позднюю стену, отделяет только слой раствора, но зато с наружной стороны образовались слои мусора и оплыв от разрушения стены.

Такая стратиграфия целиком повторяется и на Р-44, в юго-западном углу соборной мечети (раскоп Н. Рахимбабаевой и О. Н. Иневаткиной). Тут четко видна последовательность смены кладок от булкообразных кирпичей к прямоугольным стандартным.

Итак, по всей длине южной части акрополя прослежена более ранняя стена из булкообразных кирпичей, позднее замененная стеной коридорно-галерейного типа из прямоугольных кирпичей. Эта стена отсутствует в ложбине между Р-28 и Р-44, но зато там выявлена лёссовая стена толщиной приблизительно до 6—7 м. Автор раскопа С. К. Кабанов датирует ее VI—V вв. до н. э., но допускает возможность более ранней даты¹⁷.

Для более правильного представления о начальном этапе города на Афрасиабе большое значение имеет раскоп, заложенный в юго-западной части городища (Р-27) в свое время Ш. С. Ташходжаевым и продолженный М. Туребековым¹⁸.

В нижних слоях этого объекта обнаружен вал из комков глины, общая сохранившаяся высота его более 3 м¹⁹. С внутренней стороны городища к нему прилегают культурные слои, доходящие до самого верха сохранившейся части стены. Они отмечены у автора как слои 1—5²⁰. М. Туребеков правильно считает, что они могли накопиться при существовании оборонительного вала. Кроме того, самый верхний слой (№ 5) частично перекрывается оборонительной стеной второго строительного периода, т. е. стеной из булкообразных кирпичей, зафиксированной на южной части

¹⁶ Siškina G. V. Les remparts Samarkand... a l'epoque hellenistique... dans La fortification dans l'histoire du monde grec. Paris, 1986. P. 71—79.

¹⁷ Кабанов С. К. Раскопки лёссовой стены на городище Афрасиаб//ИМКУ. Вып. 26 Ташкент, 1992. С. 69—76.

¹⁸ Ташходжаев Ш. С. Раннесредневековый Самарканд//РКСАК: Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте. 26—31 августа 1977 г. Душанбе, 1977. С. 45—46; Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согды (VI—VI вв. до н. э.— VII в. н. э.). Нукус, 1990.

¹⁹ Туребеков М. Оборонительные сооружения... Рис. 22.

²⁰ Там же,

акрополя. М. Туребеков обозначил их как «кирпич сырца прямоугольного формата размерами 50—56×24—29×8—9 см».

Итак, слой № 5, зафиксированный М. Туребековым, частично перекрывается оборонительной стеной из булкообразных кирпичей, ширина которой доходит до 6 м. Это говорит о том, что культурные слои 1—5 толщиной более 2,5 м должны относиться ко времени строительства и существования оборонительного вала из битой глины.

В этом же слое М. Туребековым обнаружено десять определимых фрагментов керамики, из них пять — лепной керамики (в том числе один — расписной) и пять — керамики цилиндро-конической формы, изготовленных на гончарном круге²¹.

Возле этой оборонительной стены позднее вновь накапливаются наслоения, толщина которых доходит до 2 м, как на Р-15, Р-44 и Р-28.

В дальнейшем эта древнейшая стена, сооруженная из кирпичей с округлым верхом, с двух сторон обкладывается «ремонтным футляром» из сырцовых кирпичей прямоугольной формы. Для нас важно то, что под «ремонтным футляром» остаются стерильные слои, накопленные с внутренней стороны городища и синхронные времени существования оборонительной стены из кирпичей с округлым верхом. На Р-27 они зафиксированы как слои 6—10. В дальнейшем они закрываются кирпичной кладкой II Б и кладкой II В (по М. Туребекову)²².

Нам кажется, что период существования оборонительной стены из кирпичей с округлым верхом остается наиболее неизученной частью в материальной культуре всего Согда, в частности Афрасиаба. Это связано с тем, что раньше никто не расчленил на разные этапы или строительные периоды древнейшую оборонительную стену города.

Лишь после фиксации кирпичей с округлым верхом из Р-15 удалось зафиксировать синхронные слои, подходящие с внутренней стороны города, толщиной около 2 м; аналогичные слои накопились на Р-44, 23 и особенно Р-27.

Большие ремонтные работы на оборонительной стене в зоне Р-27 были произведены, видимо, уже в ахеменидский период (ремонт II А и ремонт II Б). В первом случае (II А) был использован прямоугольный кирпич размерами 50—56×25—28×10—12 см, а во втором строительном периоде (II Б) стена «одевается» в ремонтный пахсовый «футляр» толщиной 0,5 м.

Видимо, коридорно-галерейная стена из пахсы Р-6 и Р-12 А синхронизируется именно с ремонтной стеной II Б из раскопа 27. До этого времени в северо-западной части Афрасиаба были, вероятно, только лёссовые стены или вал. Это выявляется по микрорельефу местности, т. е. весь северо-западный угол городища по берегам оврага имеет приподнятый рельеф и на самой верхней его части располагается коридорно-галерейная стена из пахсы ахеменидского периода (Р-12 А, Р-28, Р-6). Раскопами на этом объекте (Р-12 А) установлено, что коридорно-галерейная стена из пахсы была заполнена отходами керамического производства, т. е. в каком-то периоде стена ахеменидского периода превращается в место свалки мусора. В материале из коридора-галереи отсутствовала керамика IV в. до н. э., все материалы относились к VI—V вв. до н. э.

Итак, работы, проведенные на Афрасиабе с конца 50-х годов, дали по изучению фортификации города значительные результаты.

Важен факт наличия самого раннего оборонительного вала, возведенного из битой глины, сохранившейся на высоту около 3 м.

Судя по разрезу раскопа, возле этого вала (Р-27) с внутренней стороны поселения накапливается культурный слой толщиной 2 м. Это свидетельствует о достаточно длительном существовании вала. Однако, судя по наличию в слое № 1 лепной расписной керамики с сосудами цилиндро-конической формы, он существовал незадолго до сооружения оборонительной стены из кирпичей булкообразной формы.

После определенного времени появляется оборонительная стена аналогичной конструкции, т. е. монолитная стена толщиной 7 м, сооруженная из булкообразных кирпичей. Новая стена строилась из примитивных, традиционных для местного населения кирпичей. Из таких кирпичей складывались оборонительные стены Чустского поселения (Буванамозортепа)²³. Толщина этой стены была 3 м. Все северное крыло стены сложено из крупного сырцового кирпича батонообразной формы (54—55×32×8—10 см), положенного на толстый (до 10 см) слой глиняного раствора²⁴. Из аналогичных кирпичей была построена оборонительная стена Дальварзинского поселения, толщина которой колебалась от 4 до 6 м; сохранилась она на высоту 2,5 м²⁵.

²¹ Там же. Рис. 25, 1.

²² Там же. Рис. 22.

²³ Спришевский В. И. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана//СА. 1972. № 3. С. 227—232.

²⁴ Там же. С. 227.

²⁵ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. 118. М., 1962.

Кирпичи с булкообразным верхом клали выпуклой поверхностью вверх, клейма наносили тоже с верхней стороны кирпича. Глиняный раствор между кирпичами как стены Афрасиаба, так и Коктепа был толщиной 10—15 см. Это диктовала сама форма кирпичей. Аналогичная толщина раствора имела место в стенах поселения Чуста²⁶ (батнообразный) и Дальварзина (гуваляки)²⁷.

Такие монолитные стены общеизвестны в южных регионах на памятниках Елкендепе, Эрк-кала, Хантабадтепа²⁸. При сооружении таких стен с наружной стороны обычно делали небольшой подкос, что придавало стене особую устойчивость.

В ахеменидский период фортификационная архитектура принципиально меняется. С этого времени появляются коридорно-галерейные системы с бойницами, обращенными как в наружную, так и во внутреннюю сторону, города. Выявленные на данный момент бойницы, обращенные внутрь, — ложные.

Таким образом, в фортификационной системе Афрасиаба для раннего периода выделяются три крупных этапа. Самый ранний — оборонительный вал, сооруженный в разных местах по-разному. Там, где позволял естественный рельеф, слегка обрабатывали и обтесывали лёсс и создавали лёссовые стены, а там, где не было таких условий, возвели вал из битой глины. Этой преградой был окружен древний Самарканд в пределах четвертой стены.

Характер строительства, примитивные приемы возведения стен, использование при этом естественных возможностей, отсутствие формованного кирпича позволяют нам датировать этот период оборонительной стены как синхронный нижним слоям Коктепа и памятникам раннежелезного века Средней Азии.

Судя по керамическому комплексу из слоя № 1 Р-27, оборонительный вал существовал, видимо, где-то в середине или в конце VIII в. до н. э. Об этом говорит наличие вместе с лепной расписной керамикой цилиндрико-конических сосудов, изготовленных на гончарном круге.

Второй строительный период в развитии стен Афрасиаба характеризуется появлением таких же монолитных, массивных, как и прежде, оборонительных стен, но сооруженных уже из нового строительного материала — булкообразных кирпичей. Как прием строительства, так и кирпичи были более характерны для эпохи раннежелезного века северо-восточных регионов Средней Азии.

В третьем периоде в развитии фортификации Афрасиаба происходит существенное изменение. Почти заново возводятся все оборонительные стены как «первого», так и «четвертого» кольца». Это была уже оборонительная система коридорно-галерейного типа, характерного для южных районов Средней Азии с эпохи бронзы.

По нашему мнению, такое нововведение на территории Согды распространяется после его включения в состав Ахеменидской империи. При определении его относительной и абсолютной даты мы должны опираться на стратиграфию Афрасиаба и Коктепа. Городище Коктепа находится в 5 км юго-восточнее г. Челек, на естественных буграх правой надпойменной террасы древнего Зарафшана. Городище имело две оборонительные стены. Внутренняя стена (эллинистического периода) охватывала площадь около 32—35 га, а внешняя стена сохранилась только с северо-западной стороны длиной более 1 км и, видимо, окружала более 250 га площади.

Предварительное изучение стратиграфии памятника показало, что городище в пределах внутренней стены обживается в эпоху раннежелезного века: прослеженная толщина культурного слоя превышает 2 м. Были вскрыты землянки и полуземлянки, вырытые в материке. Обнаружены каменные орудия: серпы, пестики, точильные камни, зернотерки и т. д.

Жители этих землянок изготавливали керамику от руки (из найденных ее фрагментов почти 99% изготовлены от руки). Более 12—13% керамических изделий были расписными.

В самом конце этого периода в центре городища появляется культовое сооружение (видимо, святилище), возведенное из булкообразных кирпичей. Рядом с этим храмом из таких же кирпичей было построено дворцовое сооружение и возведена внешняя крепостная стена.

Радиокарбонный анализ²⁹ материала, найденного под фундаментом дворцового сооружения, дал период 2690 ± 50 лет.

Исходя из стратиграфической ситуации городищ Афрасиаба и Коктепа, мы в данный момент уверенно можем отметить, что оборонительная стена из булкообразных кирпичей первого и четвертого кольца Афрасиаба синхронна культовому сооружению, дворцу и внешней стене Коктепа, а потому должны датироваться началом VII в. до н. э.

В связи с этим вспоминается легендарное сообщение, сохранившееся в среднеперсидском источнике «Города Эраншахра», где реальные исторические факты и

²⁶ Спришевский В. И. Оборонительные сооружения... С. 227.

²⁷ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура... Табл. X.

²⁸ Мурадова З. А. Культура ахеменидского Дахистана поры поздней бронзы и раннего железа: Автореф. канд. дисс. Л., 1986.

²⁹ Анализ проведен в лаборатории малых изотопов Центра научных исследований Франции.

география слиты с легендой. В частности, в одном из этих преданий говорится об основании Самарканда: «В восточной стороне Кавус, сын Кавата, заложил основу Самарканда. Сиявуш, сын Кавуса, завершил его. Кей-Хосрав, сын Сиявуша, там родился и он установил (в этом городе) чудотворный алтарь огня. Затем Заратуштра принес (свою) религию. По приказу царя Виштаспа он вырезал и написал на золотых табличках буквами (священного) писания 1200 глав и поместил их в сокровищницу того (храма) огня. И затем проклятый Александр сжег и бросил в море книги веры, (повествующие) о семи правителях. А выражение семь правителей означает, что там (в Самарканде) было семь царей: Джемшид, Феридун, Манучехр, Кавус, Кей-Хосрав, Лохрасп и Виштасп-шах. Затем проклятый туранец Афрасиаб из всех обителей богов, которые были (в Самарканде), сделал места поклонения девам»³⁰.

Здесь явно речь идет о первом этапе урбанизационных процессов в долине Зарафшана. Все дело в том, что царствование Афрасиаба в Туране общеизвестно. По сообщениям как «Шахнаме», так и «Истории» Табари, легендарный Афрасиаб царствовал во второй половине царствования иранского правителя Манучехра, и в то время Туран обладал большими, густонаселенными, благоустроенными городами.

По этим же источникам можно уточнить и время царствования упомянутых царей. Отмечается, что преемник Манучехра Кайкубад-шах жил во времена правления Соломона, который царствовал в X в. Эти же источники постоянно упоминают Кей-Ковуса и Кей-Хосрава. Во время правления последнего погиб царь Турана Афрасиаб, что соответствует времени, предшествующему царствованию царя Виштаспа, покровителя Заратуштры (VIII в. до н. э.)³¹.

Таким образом, источники по существу легендарного характера в данном случае, видимо, максимально приближаются к исторической действительности, данным археологических изысканий, и мы считаем, что Самарканд сложился как город уже в VII в. до н. э.

М. Х. Исамиддинов

³⁰ A catalogue of the provincial capitals of Eranshahr, Pahlavi text/Version and commentary by J. Markwart. Roma, 1931. P. 8—10.

³¹ Мухитдинов Х. Ю. К вопросу о времени сложения Самарканда как города // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари (Марузалар матни). Самарканд, 1995. 81—82-б.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА КУШАН

История Кушанского государства, созданного в начале I в. н. э. юэчжами (в греко-римских источниках они фигурируют как тохары), неразрывно связана с Узбекистаном. Наименование этого государства происходит от названия правившей династии, в свою очередь производного от имени ее прародителя — Кушана (как Ахемениды от Ахемени, Аршакиды от Аршака, Сасаниды от Сасана и т. п.).

В первые века н. э. Кушанская империя, наряду с Римской, Парфянской и Кинтайской, занимала огромное пространство.

Становление юэчжийской государственности происходило на территории Северной Бактрии, где юэчжами была основана по правую сторону Амударьи первая их столичная ставка.

До сих пор, несмотря на многочисленные исследования, в истории Кушанского государства остается еще немало пробелов, особенно в хронологии правления кушанских царей, от которой зависит решение многих весьма важных историко-культурных проблем.

Поэтому поистине выдающимся следует признать открытие новой бактрийской надписи в Северном Афганистане¹. В 1993 г. Британский музей посетил некий Джон Кларк — фотограф, побывавший в провинции Баглан. Он был приглашен губернатором провинции Саедом Джаффа для фотографирования имеющихся у него древних каменных предметов. Одну из фотографий губернатор разрешил отправить в Британский музей для изучения ее специалистами. На ней представлена каменная плита (длина — 90 см, высота — 50 см, толщина — 25 см), на лицевой поверхности которой имеется надпись греческими буквами, состоящая из двадцати трех строк, почти каждая из которых содержит более пятидесяти слов. Она была обнаружена в марте 1993 г. вместе с фрагментами скульптуры льва и архитектурными элементами на древнем памятнике Кафир-кала, в местности Рабатак, в 25 милях к северо-западу от Пул-и Хумри. Нашедшие ее местные жители отправили плиту и другие предметы губернатору, в доме которого она хранится до сих пор.

Исследованием надписи занялись два английских ученых: Дж. Крибб — зав. Кабинетом медалей и монет Британского музея взял на себя историческую интерпретацию надписи, а проф. Н. Симс-Вильямс из Школы азиатских и африканских исследований осуществил ее перевод и филологический анализ.

¹ Nicolas Sims-Williams, Joe Cribb. A New Bactrian inscription of Kanishka // Silk Road Art and Archaeology. IV. Kanakura, 1994/95. P. 73—145.